

Д. М. Омельченко
(Ставрополь)

ЦЕЗАРИЙ АРЕЛАТСКИЙ И ЕГО «ЗАВЕЩАНИЕ»

Цезарий (470–542 гг.), епископ провансальского города Арелата (совр. Арль), был видным церковным деятелем рубежа Античности и Средневековья. Он родился в 470 г. в бургундском городе Шалоне в христианской, возможно, аристократической семье¹. В 17 лет он стал чтецом в местной церкви, а через два года вступил в Леринский монастырь². Подорвав суровой аскезой своё здоровье, Цезарий вынужден был через пять лет покинуть обитель и переселиться в Арелат, который тогда являлся средиземноморским центром Римского мира. Здесь Цезарий был представлен членам местной аристократии, а также епископу Эонию, который оказался его родственником и земляком. Связи с представителями духовной и светской элиты, с одной стороны, и репутация подвижника, с другой, способствовали быстрому карьерному росту Цезария. Эоний рукоположил его сначала в диакона, потом в священника, а вскоре назначил настоятелем мужского монастыря в Арелате. Это назначение позволило Цезарию проявить себя в качестве руководителя и пастыря, и незадолго до своей смерти епископ Эоний обратился к местному духовенству и горожанам с просьбой избрать Цезария своим преемником. Хотя отнюдь не все были согласны с этим, после некоторых перипетий Цезарий всё же стал епископом Арелатским в 502 г. На этом посту он пробыл до конца своих дней, не переставая испытывать давление со стороны оппозиционных партий.

© Омельченко Д. М., 2009

¹ *Житие* Цезария сообщает о его происхождении только следующее: «Его родители, равно как и семья (великий и исключительный пример чести и благородства), превосходили всех своих сограждан верой и нравами» (*Vita sancti Caesarii*. I.3 // *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina* / Ed. J.-P. Migne. Т. 67).

² *Леринский монастырь* (напротив современных Канн) был основан в 410-х гг. под влиянием египетской и палестинской аскетических традиций и стал древнейшим на Западе центром регулярного монашества.

Вступив в должность епископа, Цезарий продолжал вести аскетический образ жизни, неустанно проповедовал, заботился о больных, нищих, пленниках и, стараясь следовать идеалу добровольной нищеты, поручил заботы о церковном имуществе надёжным управляющим. Вместе с тем, Цезарий был активным церковным политиком. В 513 г. он добился своего назначения в качестве папского викария, что, среди прочего, давало ему право созывать соборы в Южной Галлии и утверждать глав подчинённых епархий. Он председательствовал на церковных соборах в Агде (506 г.), Вэзоне (529 г.) и Оранже (529 г.), на которых были приняты важные постановления, касающиеся литургической жизни, имущественных отношений Церкви, епископской власти, развития монашества и христианизации населения. Около 506 г. при посредничестве Цезария вестготский правитель Аларих II освободил церковные земли в Арелате от налогов.

Одной из основных забот Цезария на протяжении всей его жизни было попечение о женском монастыре св. Иоанна Крестителя, основанном им для нескольких женщин-подвижниц во главе со своей сестрой Цезарией Старшей. Сначала здание обители было построено возле города в 506 или 507 г., но после разрушения во время осады Арелата монастырь был перенесён под защиту городских стен и освящён в 512 г. Для сестёр монастыря Цезарий составил первый из известных нам письменных уставов женских обителей – Правило для дев (*Regula ad virgines*).

Публикуемое ниже *Завещание* – свидетельство трогательной заботы Цезария о своём создании: именно женского монастыря касается большая часть последних распоряжений епископа. Этот документ является важным источником для характеристики положения женского монашества в южногалльском регионе в первой трети VI в., а также отдельных бытовых сторон жизни духовенства, форм благотворительности и некоторых аспектов восприятия власти в церковной среде.

Завещание начинается с короткого введения в форме письма (1–4), адресованного, с одной стороны, священникам и дьяконам Арелатской церкви, а с другой – аббатисе Цезарии и её общине. Сразу же устанавливаются два наследника: женский монастырь св. Иоанна, основанный Цезарием, и епископ Арелатский; родственники Цезария не получают ничего, кроме маленьких по-

дарков, сделанных завещателем при жизни (5–13). Далее следуют мелкие распоряжения, касающиеся одежды завещателя и даров различным лицам и монастырю (14–17). Большая часть, которая идёт затем (18–40), посвящена отношениям епископа и монастыря. Потом следует серия «заклинаний» и «просьб», адресованных последующему епископу и сёстрам (25–26), а также список недвижимого имущества, выделенного на содержание монахинь (32–36). В конце Цезарий вновь возвращается к вопросам, занимавшим его выше (14–17): подтверждает пожалования монастырю (41), распределяет одежду между своими близкими (42–44) и подтверждает то, что подарил слуге и служанке, переходящим в распоряжение монастыря (45–47). В последней фразе он поручает своих домашних слуг епископу (48).

Хотя дата завещания не сохранилась, ряд деталей говорит о том, что документ претерпел несколько редакций: возвращение в конце (47–49) к вопросам, обозначенным в начале (14–17), нечёткость терминологии³. С одной стороны, ссылка на папский авторитет (29) указывает на существование писем пап Симмаха (513 г.) и Гормизды (514 г.), даровавших особые привилегии Арелатскому епископу; основание упомянутой в тексте базилики св. Марии (20) приходится на 524 г, а жизнь аббатисы Цезарии (1, 42, 46) относится к ещё более позднему периоду. Да и увеличение вдвое достояния Церкви, которое Цезарий ставит себе в заслугу (11, 30), логичнее отнести к концу епископства, чем к началу.

С другой стороны, Цезарий допускает две возможности возвращения Церкви имущества монастыря: «Если... община не соберётся или, собравшись, впоследствии... прекратит своё существование» (38). Эти слова, возможно, указывают на период, предшествующий открытию монастыря в августе 512 г. К тому же упоминание налогового иммунитета указывает на время вестготского правителя Алариха II (484–507), т. е. до 507 г. Учитывая эти обстоятельства, современный исследователь А. де Вогюэ вполне обоснованно говорит о том, что последние штрихи *Завещания* «можно датировать позднейшим периодом жизни автора»,

³ Например, епископ назван то *episcopus* (8, 15, 19, 20, 28, 48), то *pontifex* (5, 13, 14, 21, 25, 27, 29, 37, 40), то *antistes* (30), то *sacerdos* (26), а завещание обозначено то как *testamentum* (4,7,10,45), то как *voluntas* (12, 13, 30, 41).

а «следы более ранней редакции» связать со стремлением Цезария «не ослаблять риторики» текста⁴.

По сути, Цезария занимают два вопроса: с одной стороны, законность пожалований монастырю по отношению к церковному имуществу, с другой – границы власти епископа над этим монастырём. Посвящённые монастырю пункты заставляют предположить, что распространение женского монашества в Южной Галлии того периода наталкивалось на ряд препятствий. Большая часть *Завещания* направлена на доказательство законности имущественных операций Цезария в отношении монастыря. Помимо ссылок на каноническое право (23, 24, 41) и разрешение Римского престола (29), епископ пытается вписать монахинь в уже сложившуюся к тому времени систему церковного милосердия. Сёстры оказываются в одном ряду со странниками и бедняками, в отношении которых «Церковь имеет обыкновение быть щедрой» (3), а также вдовами, получающим *stipendium* от Церкви (36).

Нарочитая ссылка на «обычай Церкви» может свидетельствовать о том, что даже в церковной среде того времени основание женского монастыря получало отнюдь не однозначную оценку. К тому же, не довольствуясь этими аргументами, Цезарий настаивает на том, что сёстры несут особую службу: как сказано в *Правиле для дев*, эти «драгоценные жемчужины Церкви», «молятся за всех людей», в том числе и за епископа⁵. Возможно, символическая интерпретация женского монашества также не всегда находила понимание в церковных кругах Южной Галлии.

В связи с этим важно обратить внимание на противоречие между *Завещанием* и *Правилем для дев* в пункте, касающемся власти епископа над монастырём. В *Правиле* Цезарий подчёркивает независимость монастыря и даже разрешает монахиням, если «настоятельница... решит подчиниться власти епископа этого города... сопротивляться с почтением и достоинством и ни в ком случае не допускать того»⁶. В *Завещании* же, напротив, с пер-

⁴ *Vogué A. de. Introduction // Sources Chrétiennes 345. Paris, 1988. P. 361–379.*

⁵ *Regula ad virgines. 1.6; 40.2; 1.5–6; 72.1–6 // Sources Chrétiennes 345. Paris, 1988.*

⁶ *Regula ad virgines. 64.1.*

вых строк он изъявляет желание, «чтобы монастырь святого Иоанна в Арелате... был канонически под властью Арелатского понтифика» (5, 8). Единственная свобода, которая, по тексту *Завещания*, остаётся у сестёр, это право избрания провизоров⁷ и священнослужителей для базилики св. Марии (20). В остальном же монахини должны полагаться на епископа и отвечать на его заботу любовью и послушанием (25).

Чем объяснить подобное противоречие между *Правилом* и *Завещанием*? Очевидно, тем, что *Правило* отражает некое идеальное представление об общине, тогда как завещание составлялось, исходя из реальных условий существования этой общины. Указанное противоречие свидетельствует о действительной опасности того, что монастырь может остаться без средств к существованию. Как пишет А. де Вогюэ, «если Цезарий утверждает в *Завещании* широкое и неограниченное право епископа, то это потому, что неуместно настаивать на независимости монахинь, когда всё завещание направлено на оправдание – в прошлом и будущем – материальной помощи монастырю со стороны Церкви»⁸. Подобная помощь предполагала причисление монахинь к служителям Церкви, зависимым от епископа.

Разумеется, для того, чтобы делать глубокие выводы о положении женского монашества в Южной Галлии первой трети VI в., необходимо привлекать данные более широкого круга источников. С одной стороны, меры предосторожности, принимаемые одним из влиятельнейших церковных деятелей эпохи при изъявлении последней воли, могут говорить о том, что положение это было весьма непрочным.

С другой стороны, в *Завещании* говорится о конкретном монастыре – том, что основал Цезарий в Арелате, поэтому объяснение испытываемых общиной трудностей нужно искать и в личности самого завещателя. Именно женский монастырь стал основным объектом нападок противников Цезария⁹. И очевидно, что речь в данном случае идёт не только о материальной стороне

⁷ *Провизор* – поверенный в делах монахинь.

⁸ *Vogüé A. de*. Op. cit. P. 365.

⁹ *Klingshirn W.* *Caesarius of Arles. The making of a Christian Community in Late Antique Gaul.* Cambridge, 2004. P. 117–123.

вопроса (хотя именно на неё ссылались противники епископа), но и о широком комплексе явлений, называемых в современной науке «социокультурными способами властвования»¹⁰. Строительная практика во все времена была одним из таких способов. Как писал по этому поводу французский социолог П. Бурдьё, «социальное пространство – не физическое, но стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно... Архитектурные пространства являются наиболее важными составляющими символической власти»¹¹. Иными словами, городской монастырь выполнял важную функцию репрезентации епископской власти: он «мыслился как непрерывный компонент духовного окружения, сообщавшего епископской кафедре надлежащую святость и ... великолепию»¹². Если учесть, что во главе монастыря последовательно стояли родственники Цезария, то становится очевидной важная роль обители в укреплении положения его семьи и его собственной власти в городе.

Всё это ставило епископа перед необходимостью доказать духовенству Арелата – как современному ему, так и будущему, – что операции с церковным имуществом он проводил не в собственных интересах. В ситуации Цезария простых ссылок на каноническое право и обычаи Церкви было недостаточно: важно было особым образом представить епископскую власть и себя как носителя этой власти. По обычаю того времени, епископ считался владельцем всех церковных земель и распорядителем остального церковного имущества и был обязан делить доходы на четыре части: на содержание епископского дома, на содержание духовенства, на содержание различного рода социальных групп, входящих в категорию «бедных», а также на строительную деятельность¹³. В основе этого обычая лежала характерная для поздней

¹⁰ *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1995. С. 15.

¹¹ *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 38, 36.

¹² *Усков Н. Ф.* Монастыри в городе // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 290.

¹³ *Лебедев А. П.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времён апостольских до X века. СПб., 2006. Отдел III, гл. V–VI.

Античности и раннего Средневековья мыслительная схема: представление о «доме» (*domus*), которым руководит «отец семейства» (*paterfamilias*) и в котором соединяются хозяйственные и личные отношения¹⁴.

Цезарий предстаёт в завещании именно как глава большого «дома» – Арелатской церкви («моя Церковь» (11), «Церковь, которую я возглавляю» (12), как называет её епископ). Как *paterfamilias* он рассудителен, справедлив (23) и рачителен: усилиями его «скромной особы» богатства Церкви возросли вдвое (30) и было получено освобождение от налогов (31, 40). Что касается женского монастыря, то, попадая в категорию «бедных», он должен стать, независимо от реальных уз родства, частью «дома» епископа и поэтому может рассчитывать на материальную помощь со стороны последнего.

Не только добродетели Цезария как *paterfamilias* должны были подтвердить легитимность его операций с имуществом Церкви, но и репрезентация себя в качестве епископа-монаха. На фоне последних волеизъявлений современных ему церковных деятелей эта черта придаёт завещанию Цезария особый облик. Так, завещание Ремигия Реймского¹⁵, по замечанию А. де Вогюэ, «есть завещание крупного собственника, оставляющего огромные богатства лицам и церковным институтам, двоим племянникам, епископу, другому священнику»¹⁶. Детальные распоряжения насчёт имущества Арелатской церкви вовсе не отвечали цели Цезария: примечательно, что он не останавливается подробно даже на том «достоянии», которое возросло, благодаря его усилиям. Более или менее подробно он говорит только о своём личном имуществе: несколько плащей, пасхальная одежда, туника, пояс, полотенце для рук да пара слуг – вот и всё, что оставляет Цезарий после сорока лет епископского служения. При этом родственники исключены из числа наследников. Можно согласиться с Вогюэ в

¹⁴ Экле О. Г. «Образ человека» у историков // *Он же*. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 322–323.

¹⁵ *Ремигий Реймский* (437–533 гг.) – архиепископ, апостол франков. По преданию, Ремигий, пользуясь влиянием на Клотильду, жену франкского короля Хлодвига, склонил последнего к обращению в христианство.

¹⁶ *Vogüé A. de. Op. cit.* P. 371.

том, что на *Завещании* Цезария «лежит глубокий и чёткий отпечаток монашеских обетов, принесённых в молодости»¹⁷, но это объяснение нуждается в уточнении. Думается, перед нами очередная интерпретация архетипического мотива аскезы как освобождения: отказ от семьи и богатства символически вычленил епископа из семейно-клановых связей и должен был избавить от подозрений в желании удовлетворить собственные интересы¹⁸. Репрезентация себя в качестве «бедняка Христова» более всего отвечала главной цели епископа – обеспечить будущее основанного им монастыря.

Хотя речь в *Завещании* идёт почти исключительно о церковных вопросах, в нём можно уловить некоторые черты общества, в котором жил Цезарий. Так, поминания о «приношениях некоторых благочестивых людей» (11, 26, 37) – причём приношениях довольно значительных, обязывающих Цезария дать на сей счёт особые распоряжения, – позволяют судить о том, что представителям южногалльского общества не были чужды широкие жесты в пользу Церкви. Разумеется, формы благотворительности не всегда отражают глубину религиозной веры, однако – в контексте сложного и противоречивого процесса христианизации в период раннего Средневековья – слова епископа свидетельствуют об определённом отклике, который находила в обществе проповедь христианских ценностей.

В заключение несколько слов об истории текста. Оригинал *Завещания* до нас не дошёл, а отсутствие даты и подписи давало повод для сомнения в авторстве Цезария¹⁹. Древнейшая известная историкам копия завещания (*W*) была включена в 992 г. в *Устав*, которым Гильом I, граф Прованский, подтверждал право монастыря на владение имуществом, пожалованным его основателем. Хранившийся в аббатстве, этот акт неоднократно переписывался, пока не исчез вместе с самим аббатством во время Французской

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Leysner C. Authority and asceticism from Augustine to Gregory the Great. Oxford, 2000. P. 86.

¹⁹ См.: Le testament de saint Césaire d'Arles et la critique de M. Br. Krush // Revue Bénédictine, 16 (1899). P. 97–112. Подлинность Завещания была доказана Ж. Морэном: Morin G. Le commentaire homilétique de saint Césaire sur l'Apocalypse // Revue Bénédictine, 45 (1933). P. 43–61.

революции. Более поздние копии – XII в. (*B* и *N*), XVII в. (*P* и *S*) и XVIII в. (*D* и *V*) – содержат сильно переработанные переписчиками тексты, которые легли в основу первых печатных изданий *Завещания*²⁰. В 1899 г., а затем в 1942 г. появилось новое издание текста *Завещания*, подготовленное Ж. Морэном и снабжённое обширным критическим аппаратом²¹. Ж. Морэн опирался, в основном, на последнюю детальную копию с рукописи X в., сделанную в 1718 г. (*R*) и хранящуюся ныне в муниципальной библиотеке Арля. Наконец, в 1988 г. вышло ещё одно издание латинского текста *Завещания* с параллельным переводом на французский язык, подготовленное Адальбером де Вогюэ с учётом проделанной Ж. Морэном работы²². По этому изданию осуществлён публикуемый ниже перевод *Завещания* Цезария Арелатского.

²⁰ Pontificum Arelatense seu Historia primatum sanctae Arelatensis ecclesiae, Aix 1629; Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. T. 67. Col. 1139 et 1279.

²¹ *S. Caesarii Arelatensis. Opera omnia* / Ed. G. Morin. Maredsous, 1942. Vol. 2.

²² *Testament de Saint Césaire* // Sources Chrétiennes 345. Paris, 1988. P. 381–397.